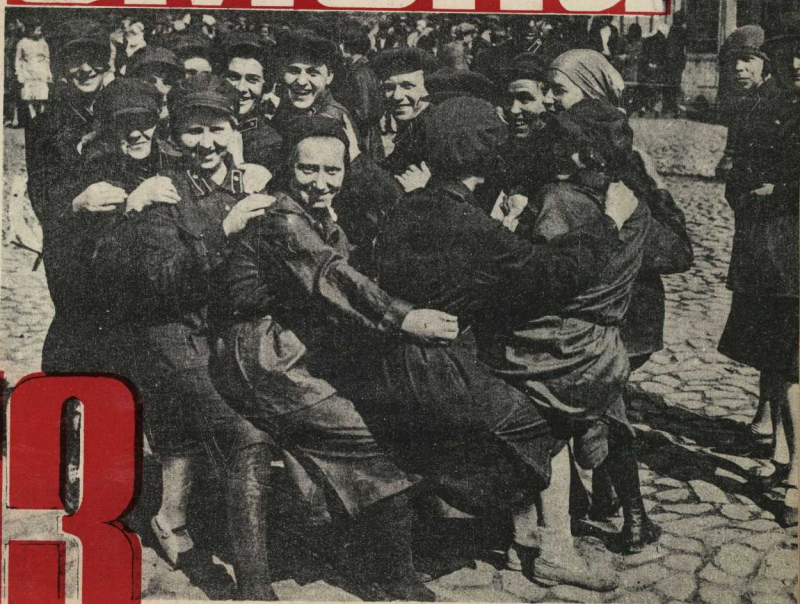

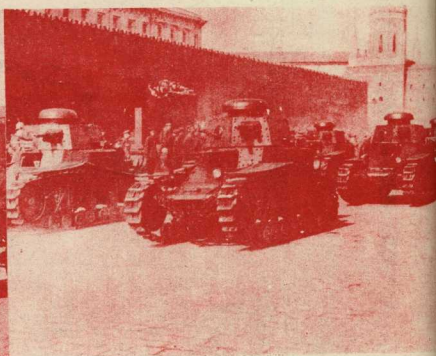
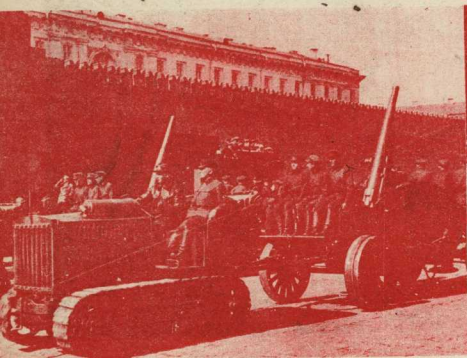
СМЕНА

13

к последнему

решительному

ГОТОВЫ!

смена 13

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи
ОРГАН ЦК и МИ ВЛКСМ
Изд. ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ответственный редактор С. КЭМРАД
Заведующая редакцией М. ЮНПРОФ

10 мая 1931 года

Адрес редакции: Москва, Центр,
Б. Чернышевский, 6. т. 5-67-03

ячейка

борис манушенко

О, жаркое время больших разговоров!
О, печка, шумящая надно поленьем!
Наливо кдуют, разгорается споры
о жизни, работе и современь!
И в собственном жаре сомлевающая печка
нескожу лесно в трубу напекает...
На выдхи на улицу — и у крыльца
холодная зыбка тебя подкидлет.
И в ураган бесконечных дискуссий
проходит спокойная четкость цитаты...
Но лишнее слынешь — ребята не спугнут,
и слово свое не воротить обратно.
Здесь чувства и мысли брали и закалку,
в горняло ячейки ковались ребята.

И, выходя из престои перепаляки,
мы опытом спора бывали богаты.
Не шло, не гремело такое событие,
чтоб наши сердца оставались спокойны.
Всегда отрывалось на все общиняте
учебой, протестом или стройной колонной.
Под эппном борьбы и ячейкикой спайки
рабочему делу оставались верны.
И если сгубела сердечная гайка,
то силу бросала на пользу страны.
Сквозь годы, ушедшие в пламенный лет,
в громе и гуле прошедших событий
всегда неизменно и просто вставят
ячейка, ребята и общиняте.

Патигорск, вокзал „Путь Ленина“

руль вьсоты

М. Обов*

рис. Лощина

Искры отлетали в темноту. Блеснул на мгновение, гасля, распылся пеплом... Обвуглялся сосисок.

Неровное человеческое кольцо колышется вокруг огня. Треск костра перелетает со сдержанным говором.

— А как вчера ухала батрака!

— А как батраки стрелки «Максимка» чхат устал. Так и попила свинцом поле.

Звезды вспыхивали синими, фиолетовыми огоньками.

— Товарищи, завтра нам предстоит выполнение больших задач. Давайте спать...—ягико врезал в тишину слова помкомзавода.

— А сколько времени?

— Двадцать три часа.

Спать.

Ночь и красноармейцы сторожили защитные палатки. Под покровом полотноного лагера дала одна огромная грудь, напряжено билось одно сердце, готовое каждую минуту заработать быстрее, чем мотор, когда нажмут регулятор карбюратора.

Костер угас. Штык часового ловил голубозвездный отблеск.

Еще не заснилось утро. Холод прощупывая нагретое тело... В палатках зашевелились. Подъем. Недалеко речка—легит бризги от пригоршей, лицо холодит вода.

— Стройся!—И две человеческие ленты вытягиваются перед палатками.

Завтрак. Из походных котелков валит пар и тает в сыром воздухе.

— Не быстро, обожжешься.

— Быстро и натиск на борщ... ударники!

— Кто договор заключил на большее уплотнение съедобного?..

— Ну-ну...

Старшина повторяет одно и то же:

— Товарищи, скатать скатки, уложить вещевые мешки. Скоро уходим.

— Снимаемся с якоря.

— Предполагается погода хорошая, туман молоком разлился.

— Саргала, ребята, к палаткам!

Быстро убирают палатки. Рассвет кинуварья распыляется в небо.

Стройка в колонну по четыре.

Но в том момент, когда командир роты хотел выступить с возгласом: шагом ария, кусты раздвинулись и на замыленной лошади подскочил красноармеец...

После неудачных боев в районе реки Клязьма наши части отступили под натиском противника. Два бомбовоза противника в устье реки «Ъ» бомбардировали берег и наводной мост. Самолеты отстреливались, но неудачно. Для борьбы с авиацией противника необходима своя. Вблизи авиабазы не было.

Двигались по обочинам шоссе. Артиллерия прикрывала отступление. В зарослях маскировались бойцы. Светлячки поблескивали стволы винтовок, пулеметов.

Весеннее солнце играло струями Клязьмы. Тишина. Даже грэх не кричал, а, блеснув передним крылом, садился на дерево. Вспугнул тишину залп батраки. Дрожа воздух. Перекаты, ударяясь о старые дубы, уносились в поле. Редкие, потом все чаще и чаще ружейные выстрелы. Заменялись станковые пулеметы... Бой за переправу. Напор «синих» срезается уничтожающим огнем.

Командир дивизии отдал распоряжение укреплиться в районе Чиково—Заболото. Он вызвал к себе дивизия Помелова.

На повалившейся, заросшей мохом сосне расположились комдив. Вглядываясь в карту:

— Товарищ Помелов, это решение я принимаю как основное и исключаю, и вам приказываю...

— Но как быть с шансовым инструментом?

— Я вам приказываю.

На лице комдива обычная строгость.

— Есть, товарищ комдив, все будет исполнено.

Дивизия отошел. Через минуту «Харай» обволакивался пылью.

Аэродром проснулся рано. Стук моторов наполнял воздух. Площадь аэродрома ровная, как бильярдный стол. Ангари.

Словно сплыв слонов, покатые криши.

Ангар № 4. Негромкий разговор:

— На сегодня назначен полет?

— Безусловно.

— Боевой?

— Еще неизвестно.

Разговаривают мотористы. Младшего моториста Тимофея Бурцова зовут «Высота». И действительно—парень высокий и плоский, как лядя. Выпущенный из ремонта самолет, он высоту забирал неимоверную. Потому и «Высота».

Тимофей крутил рукой:

— По-ударному—момент!

— Смотри, быстро, но точно,—замечил старший моторист.

— А когда плохо Бурцов делал? Еще и ударничества не было, а я уже по-ударному работаю.

— Знаю...

Самолет, как огромная створка, выползал из ангара. Стоп. Бурцов приподнял капот. Блесит организм мотора. «Высота» разворочивала факел французского ключа, смотрела на мигающий диалогичный: Все органы связаны крепкими сухожилиями—болтами, болтиками... Надутые медные трубки—вены, в которых пульсирует белая кровь.

Бурцов ласково смотрел на своего стального товарища. Ударники оба. Самолет никогда не давал перебоев в работе. А у «Высоты» нервы, как тросы управления.

Комната дежурного по аэродрому. Стучат часы, а за окном перестук работы. Дежурный. Раскраснелась голова от бессонных ночей. Звонек телефона двинулся в тишину, щелкал ухо:

— Да, дежурный по аэродрому... Принимаю.

Пальцы сгребали карандаш, бумагу.

«...Звено самолетов, два истребителя, штурмовик... Район Орешни... Аэродром будет готов. Приказ комдива».

— Кто принял?—Титов.—Передал Волков.

Дверь открылась, в комнату бежал молодой пилот Женя Скворцова.

— Титов, здравствуй. Дежурить? Что нового?

— Да вот телефограмма. Звено самолетов для боевой работы требуют.

Шеки розовые от прохладного ветра еще больше розовеют.

— Ты что, летишь сегодня?

Глазами указала на омово.

— Приказ есть и погода хорошая... Ну, Титов, побегу к другу...

— К какому другу?—удивился Титов.

Гвоздиком кольнула в мозг. Нравился пилот Женя. А говорить об этом не мог. Деловая. Комсомолка. Боев-ударник.

— К самолету, —самый надежный друг, никогда не изменит! Улыбнулась. Еще больше кровь закружила шею.

Легкой походкой по плоскости аэродрома—к плоскости самолета.

— Здорово!—рукой коснулась фюзеляжа.—Привет двум сразу—и Бурцову, и самолету.

— Машина исправна?

— Работает на «во!»—«Высота» винтила большой палец в воздух.

— Летить, товарищ Скворцова?

— Лечу, товарищ Бурцов!—И отзвук слова «лечу» ударился о плоскости, пырнул в фюзеляж.

— Учебный полет, Женя?

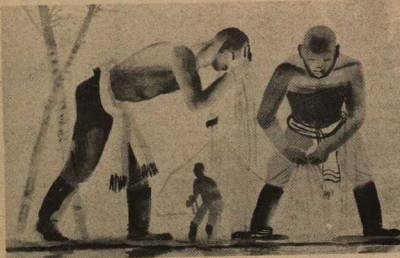
— Может быть...

— Вряд ли! Начальник эскадрильи приказал лететь трем испытанным пилотам. Надежные, не подкачают. Не доверят тебе...

Женя снова в дежурном.

— Товарищ начальник, разрешите летать. Испытанная ведь. Учебные хорошо исполнюю...

* Т. Обов—красноармеец, член ДОКАФ.

— Погодить надо, пометаете еще, товарищ Сковороца.
— Но я ведь ответственные садю...

— Товарищ Сковороца!
В прекращении вступать нельзя. Отошла к окну. Через стёкла видел синий кусочек неба. Горько, обидно. Неужели не бои, если женщина?

— Товарищ Титов, пилот Ефрон вчера не был на аэродроме. Он ведь назначен в полк.

— Он, кажется, болен,—сказал Титов.
Как далекая зарница, в глазах у Жени баснула надежда...

— Красноморец соскочил с лошади. Довесенне командиру роты. Комроты развернула небольшой листок полевой книжки...
«Приказываю выступить в район Орешни. Я буду ждать. Формирований марш.»

Дивинк Помелов.
— Шагом марш!—вырвалось с выдохом у комроты.
— Раз...два...три...

Зигзагами—просекающая дорога. Изут. Нет усталости. Гать. Развалившаяся медьница. Еще не высохли берега реки. Постепенно, медленно снижались весенние воды. Комроты поглядывала на часы в портфель. «Как бы доскорее... И подхаживала себя мыслями: «Бой. Противник не ждет».

— Последние пять километров. Короткий привал. Солнце занирало на вершинах сосен.

— Нажмем, товарищи!
Еще быстрее темп шага.

Полина гладкая, только кое-где выпятились кочки. Низкорослый березник. Резкие кусты.

Дивинк измерял участок, размечал колышки.
— Рота, стой!

Комроты подметками вбивал землю:
— Товарищ дивизионный инженер, рота прибыла в ваше распоряжение.

Стрелка часов показывала восемь утра.
— Быстро пришли.—А красноморец:

— Спасибо, товарищи, за службу!
И многоголосье, бодрое в ответ:

— Слушай... трудовую...пароду...
Задача: рассчитать полосу. Площады 400х400. Время—пять часов. Пользоваться носимым шансовым инструментом.

Рота разбилась на взводы, отделения. Каждому отделению—небольшой участок. Застучали топори. Визгуляли пилы.

Между отделениями уже заключены договоры на социалистическое соревнование, кто скорее выполнит работу.

Равнина площадку, засыпанная ямки срезанной с бугорков землей. Отделения с одного участка перебрались на другой. Скоро прилетят самолеты. Каждый торопится. Дивинк на мотоцикле уехал за техническим оборудованием аэродрома.

Топори, сверкая на солнце, падают на стволы, летят древесные бризги-щепки. После двухчасовой работы площадка для аэродрома почти готова. Груды нарубленного березняка уносит в долину.

— Товарищ командир роты!...—подбежал красноморец третьего взвода.

— Отдохните, товарищи.
— Ничего, не устал. Что прикажете еще делать? Закончил все, тогда отдохнем.

— Наконец последний взмах лопатой. Еще солнце не спиталося за далекий сосновый лес, когда закончили работу полностью. Два часа осталось в резерве.

Где-то, то приближался, то удалялся, гудел мотор. Скоро на взрыленной земле появились, смешанной с аэродромом, останки автомобиля. С оборудованием, приборами.

Когда лучи прощечивали сквозь хвою сосен и падали топкими параллельными пятнами, еще не было ничего видны. Но наирискованное гудение уже рождалось за золотой лесной стеной. Гуд нарастал.

Временный аэродром был готов к приему гостей. На углах сверкали белые треугольники. Посредине—ориентировочное Т.

Зажеглись пестры для указания посадки самолета против ветра.

— Вскоре в синем небе показались три самолета, похожие на журавлей. Они как бы плыли по воздуху. От скользящих солнечных лучей подблескивали допости. Ведущий самолет свернул. Закружились. На площадке аэродрома появились парольный сигнал и сигнал «садитесь». Свернула ракета, рассыпалась бледно светящимися точками. Самолет погнался сигналам.

Ведущий снижался, улетел за редкие березовые заросли. Зажуужал низко, чуть не касаясь макушек бер. Летел на диком косяке против ветра. Колеса коснулись земли и—ветром пролетел по аэродрому, самолет остановился.

Подбежали отвести на нейтральную полосу. Летчик выскочил из фюзеляжа.

— Направо будут садиться другие.
Другие спустились так же плавно, легко. Из последнего выскочила Жени. Красноармейцы сгрудились толпой:

— Неужели женщина?
Жени рассмеялся и сняв кожаный меховой шлем, встряхнул ровню подрезанной «скобкой».

Ночью на аэродром прискакала посыльный от командва с приказанием:

«На рассвете вылететь самолетам.

Закончилась предрассветная гудящая зыбь... Пилоты готовили машины в полету. Мутно блистали допости.

— Тов. Сковороца, после выполнения боевой задачи—курс на центральную аэродром.

— Есть, товарищ начальник звена.
— Боевую задачу усвоили?—Самое главное—не допустить неприятельских истребителей и штурмовиков в расположение наших частей.

— Будьте надежны!—углубляясь в карту, отрезала Сковороца.
— Машины готовы?

— Есть,—ответили сразу и Жени и второй летчик.
Рассвет подкрадывался из-за лесной стены.

Снапер готовили заряды для разрушения временного аэродрома.
— Товарищ Сковороца, вы отлетаете первой.

— Самолет на старт!
— Два красных флажка—линия разгона самолета.

— Мотор на компрессию!
— Готово!

Под колесами, чтобы не покатились машина,—кочанки. Командир крутнул пропеаер. Контакт.

— Есть контакт!—из фюзеляжа крикнула Жени.
Мотор рванулся, загудел. Крупики пыли вихрем закружились.

Как в судорогах, тряслося тело самолета. Мотор на полных оборотах. Ступало решительно, самое жалкое, самое ответственное—воздушный винт.

Колышки убрал. Колесо—на гладкой площадке. Самолет рванулся. Секунды. В конце площадки—уже в воздухе крутились только что бывшие неподвижными колеса.

Последним поднялся штурмовик, управляемый командиром звена. Стальные журавли, вытнувши ноги, скрылись в предрассветной муть.

Через полчаса временного аэродрома как не было. Еще не осыла пыль от огулшительного взрыва. Рота снапер по лесной дорожке направилась в район расположения дивизии.

Жени нажала руль высоты. Самолет с ревом устремился в голубой развор воздуха. Рядом не отделился, второй истребитель. Штурмовики, по указанию командва, взяли курс на движущуюся колонну синих.

Истребители черными точками парили в воздухе. Внизу кусками зелень, чернота подблескивающей летянок реки. Кружились недого. Горизонт выкинула неприятельские самолеты. Солнечная. Наблюдая решительно, самое жалкое, самое ответственное—воздушный винт. Жени, набрав еще большую высоту, метнулся за перистые облака. Второй истребитель отлетел, чтобы обним вместе ударить в бок неприятельские самолеты.

Жени хорошо продавала фигурные поветы—и сейчас это пригодились.

«Сделав удачный маневр, открыть огонь... Заставить неприятеля комом упасть на землю,—мысли, как ток по проводам, промелькнули в голове Жени.

И сейчас в эту минуту—ошудешение и спокойствие. Горячее желание дышать...»

Набрала скорость. Ручку плавно и быстро тряслом руком отдернула на себя немного в сторону. Мертвая петля.

Расстояние не больше 300 метров. Включила автоматический пулемет. Неприятельский истребитель, штурмовик вниз и сделал круг на сто восемьдесят градусов, начала забирать высоту. Бешеная погоня. Машины рвелись, извивались. Бестени металлические допости. Нужно сделать так, чтобы самолет снижался,—условно выйдя из строя. Жени, подвинув нос самолета, быстро повернула на 180° и высоты не потеряла. Истребитель «синих» оказался сбоку. Включила пулемет. Казалось, пуги вознилась в фюзеляже, в мотор...

«Синий» снизился и пошел плавно. Невольно у Жени вырвалось, смешавшись с песней мотора:

— Ура, моя победа!

единственный ВЫХОД

В. С.

Революционные рабочие на улицах Мадрида

В марте этого года «Шерстяная компания», владеющая всеми текстильными фабриками Барселоны — крупнейшего индустриального центра Испании, объявила ажауд и выросла на улицы 4000 молодежи рабочих. Причиной ажауды послужил отказ молодежи от снижения заработка на 30%. Реформистский профсоюз согласился с предпринимателями и санкционировал снижение, а затем и увольнение молодежи рабочих. Но молодежь не сдавалась. На фабрике проишли десятки уволенных рабочих и заставили остальных прекратить работу. 17 марта все текстильные фабрики Барселоны остановились. Выставленные молодежь пикеты не поддались штрейбхееров к фабричным воротам, а вызванная предпринимателями жандармерия была встречена камнями.

Забастовка была подавлена. Восемь пикетчиков были убиты. Человек сорок с простреленными телами попал в больницы и свыше ста — в тюрьмы. Прокруратура спешным порядком стала стрипать процесс о коммунистическом восстании.

Коронованный иудей — бывший испанский король Альфонсо (стоит в середине в треугольнике с истрочником)

Жуан Закара, двадцатилетний ткач, украшенный свежим шрамом от сабельного удара, полученного в бою с жандармами, — на вопрос следователя:

— Что побудило вас принять участие в забастовке и стать пикетчиком? — ответил:

— Я — человек, а меня хотели превратить в бессловесную скотину. Да и скот реагирует на любви. Меня заставляли годовать, и мне право — требовать хлеба! Наших зарплаток нехватает на то, чтобы питаться одним только хлебом, а «Шерстяная компания» и этот заработок хотела урезать.

— Вы коммунист?

— До того, как меня арестовали, я коммунистом не был. Но из тюрьмы я выйду коммунистом. В этом и вы и ваши хозяева сумеете убедиться!

Через два дня Жуан Закара, закованный в кандалы, «при попытке к побегу» был убит.

К делу комсомольца Руальдеса подошла запись, которую он неудачно пытался перелать на волю:

«В нашей камере — писал Руальдес, — одиннадцать человек. Физически мы истерзаны. У одного вытек глаз. Но хотя нам всем вместе нет и двухсот лет, мы закалены под грядущих боев. Духом мы не упали и ждем анищды, когда сумеем расчитаться с нашими палачами. Этот день близок. Мы его ждем, а ваш долг приблизить его. Воспомянная война эксплуататорам и их слугам — продажному правосудию!»

Союз каталонской молодежи — националистическая организация каталонских автономистов — организовал демонстрацию под лозунгом: «За национальную школу! За преподавание на каталонском языке!» Демонстрация была подавленной, так как официального разрешения властей на организацию ее не было, но позиция была предпринята о том, чтобы не препятствовать этой демонстрации буржуазной молодежи.

На одной из площадей была заранее воздвигнута трибуна.

Но, к ужасу устроителей демонстрации, в тот момент, когда колонны молодежи дошли к трибуне, она оказалась дезорганизованной красным полотно, а через всю ажауду был перекинут огромный плакат: «Каталонская буржуазия — оскодок испанской буржуазии. Она такой же враг рабочей молодежи. Свобода национальностей возможна только при диктатуре пролетариата! Каталонская рабочая молодежь, аступай в ряды революционного пролетариата и комсомол! На борьбу за пролетарскую власть!»

В окрестностях Барселоны в середине марта безработные молодые батраки организовали союз молодых сельских рабочих. Одиоро Васкес, руководитель этой организации, арестованный жандармерией, заявил:

— У помещиков сотни тысяч центнеров непродадного зерна. Некому его поживать. У пролетариата нет денег, а буржуазия всего хлеба не съест. Чтобы не съели цен, помещики жгут хлеб. Задачей нашего союза было не допустить уничтожение зерна. Наш союз — союз голодающей молодежи, а наша цель — уничтожить помещичье земледелие. Хлеб, созданный нашими руками, принадлежит нам!

Двадцатидвухлетний здорвек Васкес через пару дней после ареста, по официальному сообщению тюремной администрации, «внезапно скончался от разрыва сердца», другой руководитель этого союза после ареста «бесследно исчез».

«Бесследное исчезновение» арестованных в испанских тюрьмах обычное явление. Один убежавший из барселонской тюрьмы «преступник» рассказывает во французской газете:

«Если арестованный настолько изучен во время допроса, что его нельзя вывести на суд, он обычно либо «скоростножно умирает», либо «бесследно исчезает». За время моего пребывания в барселонской тюрьме «бесследно исчезли» трое заключенных. Труп одного из этих «бесследно исчезнувших» самому пришлось видеть в тюремной чюсине».

Небольшая справка медицинского характера. Немецкий врач доктор Вельштер в своей брошюре о социальной гигиене на основании обследования, проведенного в январе и феврале 1931 г., указывает:

«Среди рабочей молодежи Барселоны 61% больных туберкулезом и другими легочными заболеваниями; у 43% всякого рода заболеваний, а в конце санитарно-гигиенического исследования 77% молодых рабочих нет своего яды. В э м отношении Барселона стоит на втором месте в Европе, сразу же после Бухареста.»

В Испании две пятых земель принадлежит кучке крупных помещиков. В Каталонии (провинция на северо-востоке Испании, граничащая с Францией и омываемая Средиземным морем) четыре пятых земель принадлежит крупным аграриям, а девятую процентов рабочих Барселоны и двенадцатую города Каталонии — работают на пятнадцать крупнейших капиталистов, захвативших в свои руки питем трестирования почти все промышленные предприятия. Эти цифры достаточно ярко гоэксплуататорами и эксплуатируемыми в Испании.

Экономический кризис, разразившийся во всем капиталистическом мире, на народном хозяйстве Испании отразился особенно болезненно. Хлеб, главный экспортная статья этой страны, упал в цене на сорок процентов, а количество расчитанных с фабрик Барселоны рабочих к началу 1931 года достигло сороба процентов всего фабрично-заводского пролетариата этого промышленного центра.

В апреле газеты принесли весть о вспыхнувшей в Испании революции. Свергнута монархия. При помощи социалистов власть в свои руки захватили республиканские буржуазии. Но первые же дни существования буржуазной республики показали, что она способна дать трудящимся не хлеб, а лишь свинец. Для Испании существует только один выход из кризиса и нищеты. Этот выход — взрыв всей капиталистической системы, этот выход — пролетарская революция.

ВЗОРВАННАЯ ТИШИНА

В начале октября на рабфак им. Бухарина пришла кучка людей. Дерзали они обособленно, выразительно жестикуют, как это делают уходящие разговором собеседники, но ни одного слова до слуха посторонних не доходило.

Рабфакшаман вскоре стало известно, что это глухонемые. Оказалось, что все они умеют говорить, и некоторые из них отчасти понимают разговор по губам.

Почему-то завязался разговор.
— Вы с нами будете учиться? — спрашивали рабфакшаманы.
— Сейчас экзамены держим, — отвечали глухонемые.
— У вас свои педагоги будут?
— Нет, наши.
— Как же они вас будут учить?
— Через переводчика.

Через несколько дней на рабфак были приняты двадцать два человека.

Этому из ряда вон выходящему явлению положила начало второй съезд уполномоченных местных отделов ВОГ (Всероссийского объединения глухонемых).

На съезде с докладом выступил нарком по просвещению. Голоса его глухонемые не слышали, но его речь отчетливо доходила до сознания, дословно переводима на язык жестов переводчицей.

— Надо сделать так, чтобы через какое-нибудь десятилетие у нас вообще «глухонемых» больше не было, чтобы то, чего не делала природа, было доделано людьми при помощи нашего педагогического искусства, — говорил тов. Луначарский. — В вопросах просвещения глухонемой должен быть приравнен к здоровому.

Верной — нестройно, но оглушительно гремел аплодисментами зал.

Наркома выбрали почетным членом ВОГ и восторженно проводили до автомобиля.

Казалось, после этого Наркомпрос обрушится гранитной глыбой на вопиющую отсталость и безграмотность среди глухонемых. Но — глыба — в Наркомпросе началась... летние отпуска.

Шрам, заведующий московским клубом глухонемых, ждал, покалуд, нетерпеливое друг. Он мечтал пойти на рабфак с первым же набором. Грозный параграф правил приема в учебные заведения, направленный против глухих, закрывал до сих пор перед ним двери рабфака, куда он пытался проникнуть в одиночку.

Шрам мучился сомнениями и два профиля его лица выражали: один, чистый — нетерпение; другой, пересеченный шрамом — возмущение медлительностью Наркомпроса.

В июле он не выдержал и зашел в правление ВОГ.
— Надо нагнуть в Наркомпрос и напомнить кому следует, что мы ждем от них дела, — решительно отрубил Шрам.

— Сходить бы давно следовало, — согласился Эрик Тотьяминн зампред правления, — только времени никак не выберу. Видишь, дела на мне, как собак, навешано.

— Выгадай два часа и сходишь.

День был выбран и вместе с переводчиком они отправились в Наркомпрос.

Но, видимо, ни Шрам, ни Эрик Тотьяминн не умели нравиться. Через час они шли обратно. Без ответа.

Несмотря на неудачи, и тот и другой зубами вцепились в дело. Застыли в Наркомпрос. Но бюрократическая машина оказалась сложней.

У Тотьяминна пухли папки от накопившихся дел. И однажды он сказал Шраму:

— Больше не могу, ходи один.
Шрам стиснул зубы, но ответил:
— Ладно.

Ходил он по мукам до глубокой осени, и еще бы ходил, если бы не вмешательство наркома социального обеспечения.

Съехавшихся с разных концов страны издержанных, изголодавшихся глухонемых направили на рабфак им. Бухарина.

Тяжба с Наркомпросом кончилась победой глухонемых, и перед Шрамом встал вопрос о переводчиках, без которых учеба на рабфаке была немислима.

От браков между глухонемыми дети обычно рождаются здоровыми. Глухонемые дети у глухонемых родителей явление довольно редкое. И вот нормальные дети глухонемых, изучившие язык и выходящие средь, в которой живут их родители, выполняют роль переводчиков.

Шрам взялся за поиски. Он расспрашивал, у кого из глухонемых есть взрослые дети, которые могли бы работать переводчиками.

Сотрудница клуба посоветовала ему:
— Возьми Зину Пригравдов. Более подходящего переводчика тебе не найти: получила среднее образование и переводит безукоризненно.

— Кто она? Где ее найти? — заинтересовался Шрам.
— Она работает в артели «Глухонечать».

— Неудобно спрашивать...

— Ну, и оставайся ни с чем.

На другой день Шрам зашел в типографию «Глухонечать». В изысканой, тесно уставленной реалими и печатными машинами комнатке у самой двери сидела черноволосая смуглая девушка и разговаривала по телефону.

От печатной машины, беспрерывно гудевшей и ухажившей, ее отделяла ширма из тонкой фанеры. Сильный шум, очевидно, затруднял телефонный разговор. Густые черные брови девушки сошлись от напряжения; длинные закругленные ресницы медленно опускались книзу, когда она вслушивалась в ответы невидимого собеседника, и снова подымались, как крылья темной лесной бабочки.

Шрам подождал конца телефонного разговора и поздоровался.

— Это вы организуете рабфак? — осведомилась Зина.

«Ей уже известно», — подумал Шрам.

— Да, мне поручили это дело, — ответил он. — А ты здесь переводчицей работаешь?

— Переводчица и агент.

— Тяжело?

— Сами видите.

Шрам подробно расспросил, какое жалование она получает, состоит ли членом профсоюза и довольна ли своей работой. Потом решил сманить.

— Бросай артель! На рабфак нужны хорошо грамотные переводчики. Работа интересная, материальное положение лучше, чем в артели, — убеждал он.

На другой день Зина дала положительный ответ.

Вторую переводчицу Шраму пришлось вызвать с Северного Кавказа.

В первый день учебы пришли пораньше. Расселись.

Иномосольский полет-кружок глухонемых

Занятия в химической лаборатории

Накануне до глухонемых дошел слух, что педагоги с ними раба-тот не желают. Этому слуху верили. У каждого в прошлом было немало таких обид.

Тревожно ждали начала занятий. Когда в аудитории вошла Александра Михайловна Горюнова, экзаменовавшая группу при поступлении на рабфак по математике, и ласково со всеми поздоровалась, пассивные лица просветлели. Знала, зарывавшая общей тревогой, сияла радостью и, немного волнуясь, знакомила Александру Михайловну с методикой общения с подвижной и живой, но в то же время молчаливой и неотзывчивой аудиторией.

Присутствия к занятиям. Двадцать две пары глаз внимательно следили за переводчицей, ловили налету каждое слово. Все пошло своим чередом: в назначенное время приходили педагоги, получали от Зины сведения о своих новых учениках и приступали к работе.

У человека, переставшего по тем или другим причинам слышать разговорную речь, выговор постепенно и незаметно для него портится. Глухонемые же никогда не слышали человеческой речи: их речь—плод долгой учебы, говор их иногда не совсем понятен собеседнику. Первый урок русского языка вскрыл характерные дефекты речи у студентов.

Заметили, товарищи, что безударное «о» в литературном разговорном языке никогда не произносится,—предупреждала группу Мария Александровна, преподавательница русского языка.—Вы говорите по-кинжикову. Я немного займусь исправлением вашего произношения.

И в замкнутый мир людей, лишенных слуха, словно свежий ветер, ворвался разговорный язык. Непонятными показались слова дятлата, переводчица не понимала, а по разговорному. Слова падали к ним, словно свежеспиленные бруски, которые необходимо было обстругать и отшлифовать, прикладывая к фразам.

Глухонемые тяготились своей изолированностью от остальных рабфаковцев, но зависть о себе пока не решались.

Рабфаковская общность не стала ждать и первая пошла им навстречу. Комсомольская ячейка организовала из глухонемых фракцию. Академическая комиссия провела выборы групптройки. В групптройку попали двое ребят и девушка. Председателем был избран Шрам. Секретарем оказался Матрос, квадратный, крашитель парня, обутый в тяжелые сапоги с длинными до туловища голенищами. Сероглазая девушка в желтой трюфетке, посаженной на макушку безжурной головы, звалась Тимофеевой. Кандидатом в члены групптройки прошел Жук, староста общества.

Первым вопросом, поставленным групптройкой в порядок дня, был вопрос о включении группы в социалистическое соревнование. Решено было вызвать на сосоревнование четвертую группу, в которой работали те же самые педагоги, что и в группе глухонемых. Шрам выработал проект договора.

С уст Зины со слезами выкатывались глаза члены групптройки.—Здесь наша группа из глухонемых, а ты берешь такие высокие показатели. Если достигнем до 75%, то и тогда это большим достижением будет.

«Струсил! Не верят в свои силы»,—подумал Шрам.—В общине нас считают отсталыми, не так ли?—вчал он. Групптройка же возражала.—По-моему, мы должны с этим бороться, а по-вашему, видно, следует стараться оправдать это позорное убеждение.

Последние слова Шрама ударили по больному.—Что тут разговаривать!—сорвался со стула Матрос.—Договор принять и послать его на обсуждение в четвертую группу.—А наша группа, как думаете, согласится?—осторожно спросил Жук.

Нужно создать в группе повышенное настроение, тогда высокие показатели никто не испугает,—ответил Шрам. Договор внесли на одобрение группы.—Трудно будет,—заявил маловвер.—Чего трудно, справились!—наставила групптройка.—Нажмем!—поддерживала групптройку более решительные.—Утрем нос всем, кто думает, что мы отсталые.

Договор единогласно принят. Соревнование началось. Незаметно подошли к полусеместровому зачету. Итоги соревнования оказались в пользу глухонемых. Эта первая победа сразу подняла настроение у глухонемых.

Нам все вписоме!—решили буйные головы.—Рано почитать на лахрах,—предостерегали грезные умы,—посмотрим в конце семестра, кто будет вперед.—Нажмем еще! Пусть групптройка подымет дятля, —требова-ли энтузиасты.

Учеба пошла, как хорошо собранная машина.

Политехнизация рабфака, которую начали проводить в янаре, расколола группу на два враждующих лагеря, спутала планы групптройки, подсака под корень соревнования.

Передаточный механизм—переводчик—был проводником знания для глухонемых, но в то же время от него зависело каждое отдельное колесо—отдельный рабфаконец: без переводчика до студента, лишенного слуха, наука не доходила.

При политехнизации на рабфаке были намечены три уклона: ехнический, социально-экономический и педагогический. Люди с нормальным слухом могли пойти на любой уклон. Иначе дело обстояло у глухонемых: в одиночку разбертись они не могли, приходилось выбирать один из уклонов для всей группы.

Утром в биологической лаборатории комсорг Кольцо подошел к председателю групптройки Шраму.

—Вчера Матрос получил из академкомиссии бланк для записи на уклоны и вечером повел агитацию и вербовку на технический уклон. Я и еще несколько человек воздержались от записи. По-моему, надо бы сначала обсудить этот вопрос,—сообщила он.

Шрам позвал Матроса.—Ты вчера получил из академкомиссии бланк для записи на уклоны?—Получил,—протянула Матрос запаленный бланк.—Почему же ты не поставил сперва этот вопрос на групп-

тройке? Поздно спохватился, группу и спрашивать нечего.—Шрам мелком валягуза на листок. На нем значилась и фамилия работников групптройки. Все стало понятным.

Помолчал, сказал возможно спокойнее:—Послушай, Матрос, зачем же так! Ведь многие, не сознавая, сделали выбор, увеличенные агитацией.—Никто не агитировал, каждый сам за себя думал,—оргу-ируется Матрос.

Заметивши спор между председателем и секретарем групптройки, студенты начали гудить вокруг них.—Почему же ты, Шрам, не поговоришь с нами на технический уклон?—спросил профукальзованный Камень.—На техническом уклоне готовят инженеров-производственников. Мы на предприятии окажемся, пожалуй, не на месте,—ответил Шрам.—Как же мы будем разговаривать с рабочими?

—У ВОГ растут свои предприятия, для них понадобятся инженеры. Шрам покачал головой.—Нет, товарищ Камень, ВОГ добилось постановления Наркомтруда о посылке глухонемых на производство в общем порядке. Зачем ему обрывать собственными предприятиями?—А педагогов из нас и подавно не выйдет.

Педагоги—нет, а экономисты могут. Это для нас доступнее. А для ВОГ нужны работники именно с социально-экономическим образованием.—Почему же групптройка не обсудила этого вопроса? Я бы не записался на технический уклон, если бы знал,—забунил Ежик, первый бузотер в группе.

—Матрос утаил от меня записи,—ответил Шрам.—Сейчас же после уроков я должен сдать список в профком, на обсуждение времени нет,—оправдывался Матрос.—Тогда нас исключи из технического уклона и записи на социально-экономический,—требовали многие ребята.

На оба уклона оказалось примерно поровну желающих.—Будет склона!—подумал Шрам. Матрос слял список в профком. Возвратившись после канкулы, группа глухонемых узнала, что один склоном переведена на социально-экономический уклон.

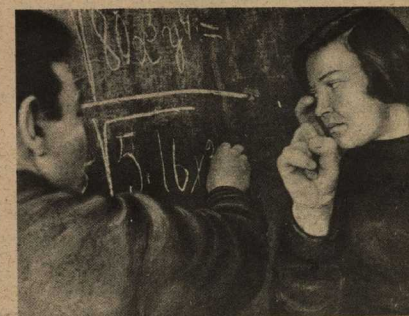
«Экономисты» возникали, а сторонники технического уклона озлобленно прижмукали. У них было большинство в два человека, но дело решило не в их пользу.

Учебный день кончился и угрюмое молчание «техников» превратилось.—Пусть Шрам ознакомит группу с решением президиума о переходе на уклоны,—потребовал Камень.

Шрам догадался, что «техники» между собой сговорились. Он коротко ответил:—С сегодняшнего дня наша группа на социально-экономическом уклоне.

Шрам смеял Матрос:—Нас против нашей воли перевели на социально-экономический уклон. Это насилем! Мы должны протестовать.—Внесем резолюцию о переходе всей группы на технический уклон.

—Мы не согласны,—заявили «экономисты».

Урок математики. Рядом с рабфаконцем переводчица

Группа глухонемых-рабфайнцев следит за объяснениями переводчицы

— Почему не согласны, разве инженерами быть плохо? Для пятилетия нужны инженеры.

— И экономисты нужны. Вопрос поставили на голосование, технический уклон получили большинство в два голоса.

Председителю рабфака и профком в пересмотре решения отказали. Обиженные подали бунт.

Созывались собрания, на которых спорили и ругались до беспаматства. Техническая партия решила отправить ходовок в Наркомпрос.

Шрам, услышавшись с курсовым бюро, первым делом созвал комсомольскую фракцию. Секретарь комсомольской ячейки в нескольких словах рассказал фракции о положении с уклонами.

— На технический уклон требовалось послать 50%, состава рабфака, а записалось 75%. На педагогический итти никто не хотел. Тогда бюро ячеек партии и комсомола и профком мобилизовали изыточные 25% на педагогический уклон. Вы тоже считайте себя мобилизованными.

— Нас об этом не предупредили, — сказал хмурый Акробат. — Мы подчиняемся дисциплине, — заявили после недолгой дискуссии сторонники технического уклона.

Было принято предложение Кольцо о добровольном переходе всех комсомольцев на социально-экономический уклон. К решению фракции единодушно присоединилось и общее собрание группы.

В конце учебного года на рабфак зашел инспектор Наркомпроса тов. Попанин и, ознакомившись с результатами годовой работы группы глухонемых, сказал Шраму:

— Вы оправдали себя. Нужно и дальше совершенствовать методику обучения глухонемых.

Шрам ответил:

— Сразу ничего не делается. Будущее за нами, и оно покажет, что глухонемые, кроме отсутствия слуха, ничем от нормальных людей не отличаются.

Первомайская демонстрация на улицах Москвы

Товарищ Кэмрад!

Я прошу тебя опубликовать в „СМЕНИ“ эти документы. Они лучше всякого очерка, уверю тебя. Так как это документы,— в них нет ничего вымышленного, надуманного, приукрашенного.

Шахта „Юный коммунар“ бьется за устье, как и все шахты Донбасса. Если случится тебе быть в Донбассе, загляни на „Юный коммунар“. Дорога из Москвы туда не дальняя. Маршупольскими поездами до станции Енаклево, оттуда— 12 километров лошадию до „Юного коммунара“. Все документы опубликованы в районной газете „Знамя ударника“.

Авторы документов— работники шахты „Юный коммунар“ и сотрудники газеты—осражили работников.

В документах этих—история о том, как шесть шахтеров были засыпаны в шахте завалом и о том, как их спасли.

Это—история наших дней, история наших борцов.

Рекомендую тебе не читать в „Смене“ этот коллективный очерк. По моему мнению, он очень хорошо и крепко сделан.

Правда!

Жму руку.

М. СМОЛЕНСКИЙ

Донбасс 1931 г.

Завал на нижнем штрене

вызвана редакция „Знамени ударника“ на южнине

экстренное сообщение

опубликовано в 12 часов дня

ко всем рабочим, служащим,
ко всем коммунистам и комсомольцам
рудника „Юный коммунар“

Дорогие товарищи!

В 2 часа 15 минут ночи произошел завал на пласте „Тройник“, горизонт 38,107 метров номера 38.

В результате осмотра выявилось, что нижний штрен завален от 80 дучки и забое штрена не больше, как на 10—12 метров. Верхний штрен стоит удовлетворительно. В десятом уступе обвало провало и ниже пролаза нет.

Во время завала на верхнем штрене находился один буряльщик, а в верхних уступах было 4 крепильщика по ремонту. Эти товарищи все успели выйти.

Остались работавшие в уступе забойщики в 4-м уступе—Олещенко, Павел Григорьевич, раб. № 19, работает в забое с 16 октября; в 3-м уступе забойщик Цыгунов, Филипп Михайлович, раб. № 69, работает в забое с 21 сентября

старая гвардия спасателей

С рудников „Карл Маркс“ и Красный Профинтерн“, отработав обычную смену на своих шахтах, прибыли ночью на „Юнону“ опытные, старые шахтеры.

—Мы пришли по поручению рабочих наших рудников, чтобы приложить свои силы, опыт и знания для спасения засыпанных в этом спасательном отряде с „Красного Профинтерна“ товарищи: Левин с 12 летним шахтерским опытом, дважды находивший под завалом; Лавин — с 26-летним шахтерским стажем; Эрне, болгарин, 52-х лет, работавший на рудниках 35 лет, шахтер Донбасса, один из закаляющих рудников „Красный Профинтерн“ и „Карл Маркс“; тов. Сухин — 21 год шахтерского стажа,— был засыпан ранее обвалом; т.т. Морской и Минуев, имеющие по 14 лет горняцкого стажа, пионеры и застрельщики в работе на опасных уступах.

В первую смену т.т. Эрне, Морской и Минуев сдавали 5 крепей в завале и выдали 10 вагонов породы. Остальные четверо поставили 13 крепей промежуточно.

боевой дух шахтеров увеличивает добычу

Позавчера рудник выработал 1.590 тонн, общая добыча составляла 1.674 тонны, а в шахте осталось невыданного угля 1570 тонн.

После катастрофы не уменьшилась, а наоборот—увеличилась добыча целого ряда номеров, работавших значительно хуже несколько дней тому назад.

Это свидетельствует о боевом духе шахтеров „Юного коммунара“, обещающих привести рудник в выполнение и первыполненно задания партии.

1930 г. На нижнем штрене бутылки минною минуза вторым уступом и забое уступных крепильщиков Сергеев, Даниил Леонтьевич, раб. № 186 работает в шахте с 18 октября 21 г.

Там же в штрене работал по ремонту крепильщиков Худольцев, Иван Михайлович, рабочий № 2702, работает в шахте с 13 мая 30 г.

В штрене остался также десятник Фролов Александр Филиппович, рабочий № 1969 и мастерщик Беляев, С. М. раб. № 2655.

Судя по состоянию работ и характеру завала, есть все данные на то, что засыпанные товарищи находятся в безопасности и будут спасены. Ведутся самые энергичные работы по спасению.

На верхнем штрене производят усиленное обучение и забое оставшихся двух уступов. На нижнем штрене ведется расширение и, кроме того, а за чта спасательная печка под нижним штреном. Для связи с рабочими, оставшимися в уступах за завалом, будет использована воздушная магистраль.

Для руководства всей работой по спасению, организационными рудника создана чрезвычайная комиссия, которая также занимается выяснением причин аварии. В ходе работы будет сообщаться дополнительно.

Товарищи горняки! Классовый враг, вредитель, пролезавший в нашу среду, будет пытаться использовать случившееся в своих целях для того, чтобы дезорганизовать наши ряды, сыграть паннику, ложные слухи.

Поэтому больше классовый бдительности! Больше пролетарского упорства!

На попытку классовых врагов стравить еще больших напряжением сил и пролетарской воли, увеличением нашей выхожденности, повышением производительности труда, упрощением трудовой дисциплины.

Создадим ударные новые бригады, которые по-ударному будут выполнять боевой приказ партии—задание пятилетия.

Все, как один, должны записаться за рудником до конца пятилетия. Передовые ударники, очищая свои бригады от лжеударников—выбрасывайте встречные прощания по номерам забоев.

Социалистические толпы страны требуют угля. Сотни, тысячи тонн угля, которые будут недоаны из-за пощадничества, должны быть выданы на гора.

Ударники! Вступайте в ряды Ленинской партии, вместе в него, под ее знаменами идите в бой за выполнение пятилетия в 3 года. Выступайте каледарем, пионером, тем, кто сеет провозначенные слухи—не должно быть места в рядах ударников нашего рудника!

Явеська КИ(б)У, Шахтком, Шхтуправление

две записки

А в пещеке, наверху, на руинке, под солнцем, в уличах, переулках, квартирах, на бараках, в кооперативах, в кино—слуши, слуши, слуши...

Божьи старушки, сплетницы, обыватели, кулаки, торговцы...

Слуши, слуши, слуши.

Куда?

К женам тех, что в завале.

—Да не верьте. Никто с ними не разговаривает, никто их не кормит. Помогли они, Гробы заставляйте. А в гробы положите—уголь, породу и кости, да может быть мясо...

Слуши, слуши, слуши...

По рабкоры—тоже к женам.

—Живы они! Корина их! Завтра спасем!

Как быть? Спустишь жен в шахту, чтоб поговорили через трубу с мужьями? Но они ведь истерку у трубы устроят.

—Эх! Пиши записку. Передадим по трубе.

ее записка

Дана, пиши мне, ты жин пшй нет, а то мне казал, что нас будат выдать у мешка. Дана, напиши ответ, а то я .хожу посылать телеграмму да матери.

От Маруси

его ответ

Мани, я жин и здоров, ничего не думай, до мой не посылай, никому не верь.

Дания Петреев

мы в полной безопасности

Спасательные работы на „Юнкоме“ успешно продвигаются вперед. На 10 часов утра пройдено подштрепной печи 28 метров.

При помощи шпур, поданного через воздушную магистраль, удалось измерить точную длину завала. Штрек засыпан на протяжении 32 метров, так что на 33 метра предположено быть гезенек из пещи вверх.

Спасательные команды работают с исключительной энергией. Большую организованность и умение проявила бригада немецких рабочих, работавших в 3-й смене.

Исключительную быстроту, мужество и энергию проявляют бригады добровольцев, прибывшие с „Красного Профинтерна“ и „Кара Маркса“ под руководством торняка Эрне.

Состояние рабочих, находящихся за завалом, хорошее.

Удалось окончательно наладить нормальную подачу пещи под наблюдением врача. В 12 часов дня через трубу воздухопровода была проложена беспрерывная резиновая трубка, через которую им передали кофе и куриный бульон. Кроме то-

го, они продолжают получать мясные котлеты с булкой, масло, шоколад и молоко. Через трубочку подается чистая питьевая вода.

Через рабочий спасательный команд товарищи, находящиеся за завалом, передали привет своим близким и просили заверить их, что они живы и находятся в безопасности.

Добыча составила 1750 тонн, увеличилась на 80 тонн по сравнению с прошлым днем. Выходимость рабочих продолжает повышаться из смены в смену. Все это свидетельствует о том, что рабочие действительно по-ударному решают пере-

крыть образованный провал. О начале смены подеме свидетельствует также полая явка на шахт-ных выборные собрания. Обсужде-

ние кандидатур прошло с большим вниманием и деловитостью. Продолжается выступление в узарные бригады и контракция себя за рудником.

Рабочие должны закрепить этот подъем и при обсуждении встречных планов на поборь месин выдвинуть свои встречные планы с превыше-

нием задания.

Штрек засыпан на 32 метра

вчера к 10 часам вечера спасатели находились в неспешных метрах от засыпанных

НА „ЮНКМЕ“

ВЧЕРА В 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА ТОВАРИЩИ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ЗАВАЛА, УЧАСТВОВАЛИ В РАБОТЕ ШАХТНОЙ КОМБЕТНЫ. ДЕСЯТИН РЛОВО ГОВОРИЛ О СОСТОЯНИИ ШТРЕКА, О ТОМ, КАК ПРОИЗОШЕЛ ЗАВАЛ И СПАСИЛИ ШАХТЕРЫ.

Технику тов. Еленевский по трубе отдал распоряжение находившиеся в забое:

—Под руководством десятника Фролова крепите штрек.

Сейчас спасательная будет пробиваться и вами.

Пещи под штреком прошла на 42 метра, а на 40-м была пробит гезенек. В 11 ч. 50 м. дня вчера за завалом показались из гезена забойщики тов. Нарпена, Еленевский и другие.

Пробыли 58 часов за завалом тт. Овещенко, Фролов, Худолеев, Беллев, Сергеев, Цыгунов в 12 ч. 50 мин. уже сошли с явки на гора.

Рабочие с семьями ожидали спасенных, собравшись на митинг к стволу. Горячо приветствуя спасенных, рабочие обещали неустанно работать над выполнением заданий, улучшением производства, механизацией и совершенствую угольный труд.

Спасенных отправили в больницу и сдали под наблюдение врачей. Сюда были допущены родственники спасенных товарищей.

Нагда товарищи прочитали вышлеченные в день завала листовки и после дущие номера газеты, тов. Болеев сказал:

—Мы не думали, что вам удастся так быстро мобилизовать все, чтобы нас спасти. Горячо благодарим наших товарищей, немецких горняков бригады с „Профинтерна“ и „Кара Маркса“, с исключительной энергией пробивавшихся и нам на помощь.

Спасенные горняки пробывают в бодром состоянии, мужественно выдержав суровые испытания в завале. Только у тов. Овещуна выжухнута нога.

От имени шести тысяч трудящихся читателей и рабкоров „Знамя ударника“ шлет пламенный привет спа-

сенным и спасателям и приветствует горняков „Юнком“ мужественно, побольшевыми бороться за уголь, побеждая все помехи и препятствия в этой борьбе!

В ПОСЛЕДНИИ ЧАС

Подштрепная спасательная пещи к 10 часам вечера пройдена на 28 метров под завалом, распространявшимся на 3 метра. Только несолько метров отделяют спасательную бригаду от товарищей П. Г. Овещенко, Ф. М. Цыгунова, Д. Л. Сергеева, И. М. Худо-

леева, А. Ф. Фролова и С. М. Беллева, просидевших уже за завалом 31½ суток.

Исключительно бодро и организованно каут работы.

В завая часто передается лица и петье.

Товарищ Грауден каменщик АВТостроя

очерк вен. шапиро

В Нью-Йорке, на прощальном вечере, друзья сказали: «Если там не поправится, приезжайте обратно, мы поможем».

Тогда каменщик Грауден и его товарищ немного волнуясь выстали из карманов свои документы и ответили:

— Мы едем в Советский Союз не для того, чтобы возвращаться обратно. Мы едем туда, чтобы строить новую жизнь и умереть в своем настоящем отечестве. С Америкой — конечно...

И разорванные документы «граждан Северо-Американских Соединенных Штатов» ключками упали на пол.

— Что это есть? — спрашивает вслух сам себя Грауден. И сам же отвечает:

— Мировой бродяга и морская шлана.

* Мы сидим в его комнате в американском городке Нижегородского Автостроя, перед нами стоит недопитая бутылка вина (Грауден — бывший моряк, и ромка спиртного развязывает его язык).

— Родился он в одной из прибалтийских стран, из тех, что теперь называются димитрофами; слегка вкусив сладость военной службы в армии «самодежка вся русь», молодым еще эмигрировал в Америку искать свободы и счастья.

Он не нашел ни того, ни другого. Забастовка на фабрике, куда он пошел работать, заставила Граудена — одного из организаторов «кряканы» — переменить паспорт и скрываться от полиции. Доведенный до отчаяния, он пошел «добровольцем» в военно-морской флот Соединенных Штатов. Вскоре Грауден сменил его на флот торгов. На кораблях почти все флагов он избороздил океаны всего мира.

В портовых кабаках Гамбурга он поднимал бокал за настоящую свободу и русскую революцию; в Шанхае дрался с божаном-англинчином, защищая обожженного кули; в Берлине частенько заглядывал в рабочие кварталы... Он был в Австралии, в Конго, на Филиппинах, в Японии, во Владивостоке, испробовал напитки всех наций, дрался на ножах, участвовал не в одном бунте против эксплуататоров. Последние десять лет Грауден, просящий без отечества и лопатающихся иллюзий, прожил в городке небоскребов и лопатающихся банков, — в Нью-Йорке. Эти годы он проработал каменщиком на десятках строек, клал кирпичи, создавал небоскребы, в которых ему не суждено было обитать.

Грауден неторопливо рассказывает про свою жизнь, как будто перелистывает страницы давно прочитанной и хорошо известной книги.

— Милый мой, — говорит он, — поумнеешь только тогда, когда сам изъездишь мир. Я думаю, что в Америке плохо, потому что там есть Форд и Рокфеллер, а вот в Италии хорошо, потому что там есть всегда тепло и такие ласковые люди. Но я ошибся, жестоко ошибся. Оказалось, что всюду есть свои Форды и Рокфеллеры, а там, где их нет, как, например, на островах да в Африке — там их заменяют миссионеры.

Почему я приехал в СССР?

Нельзя сказать, что последнее время я плохо жил в Нью-Йорке. Я считался хорошо квалифицированным рабочим. Пока была работа, я зарабатывал недурно. Но я решил так: сегодня ты хорош, а завтра не будет работы, — тогда что? У меня были друзья, я ежедневно покупал 48-страничную «Нью-Йорк Таймс», которую читал с интересом; я бывал иногда в мюзик-холле. Но у меня не было главного: родины. Что это такое, я не знаю и не могу объяснить. Но в общем это нужная штука, родина.

И я подумал об СССР. Я сказал себе: «Евгений, тебе уже не 20 и не 25 лет. Ты уже не так молод, и тебе не следует делать глупостей. Подумаю». И Евгений, т.е. я сам, подумал. И я решил ехать в СССР.

Надо тебе сказать, что это штука не легкая. Мистер Майтер, инженер, сказал, что знает этого пройдоху Финна, этого человека, который для достижения своих измненных целей не остановится ни перед чем. Мистер Майтер удивлялся, как Финна еще терпит американское общественное мнение... Но ведь Финна всегда был у нас эти «общественным мнением»: был и тогда, когда о них еще не говорили в СССР. Даже про наш Автострой «знало» это самое «мнение»...

Финский рабочий Туамолла, которого я знал в юности, организовал рабочую коммуну и во главе ее поехал в Ленинград. И что же? Через некоторое время нью-Йоркские газеты написали, что он бежал из Нижнего, эмигрировал в Канаду и стучится в ворота Соединенных Штатов. Но это голая ложь. Туамолла живет со своей семьей на Автострое в одном доме со мной и попрежнему предсе-дствует в коммуне «Центр».

И вот такое, милый мой, мы слышали ежедневно. Но мы не боялись...

Грауден замолчал, потянул трубку, побарабанил по столу и сразу сказал:

— И вот я приехал в СССР.

В Москве Граудена пригласили в Союзстрой и предложили по-ехать в Нижний.

Проехал. И с первого дня вступил в жестокую драку: в Америке нет рабочего, который бы не подлая вальсирующая под ногами кирпич, а здесь, у себя дома, многие рабочие проходят мимо, не замечая груды кирпичей или куски железа!

Что значит техника?

И Грауден рассказывает:

— Американский каменщик на гражданских строительствах кладет ежедневно от 2500 до 3500 штук за восемь часов. Достигается это благодаря крепкой дисциплине, узкой специализации, механизации работ и высокой квалификации рабочего. Каменщик получает столько кирпичей и раствор ему должен делать только свое дело. По-большому чернорабочему и он должен делать только свое дело. Раствор ося и его нужно размять, то на это есть специальный рабочий. Один человек постоянно обходит всех с ведром свежей воды и черпаком и подает плит.

Грауден подробно рассказывает об организации труда в Америке. Он болтает за каждую мелочь и радуется за каждый лишний кирпич, уложенный его учениками-штотами. Он умеет хорошо ругаться и великодушно пользуется этим оружием для борьбы с лентяями, лодырями и нерадивыми учениками.

Я помню его первый дебют на Автострое: уложил 2500 кирпичей, он был пресмыкнут пятюстами рублий и велосипедом.

На вечере Граудена встретили горько, долго аплодировали. Выступая с ответным словом, сильно волнуясь, он сказал:

— Я прошел хорошую школу капиталистической рационализации, которая стоила мне не мало крови и пота, но молодые русские рабочие, свободные и сильные, смогут перегнать и меня. И я помогу им сделать это.

Грауден не только прекрасный производственник, но и горячий общественник, хотя еще не решается вступить в партию. Он — непре-клонный добровольный переводчик на партсобраниях, член редкол-легия производственного журнала «Автостроитель», член общепартий-ного производственного совещания.

Много работает в Союзниках. Он уверяет, что вместе со своим другом — немецким рабочим построит... самолет (не планер, заметьте, а самолет!) для обучения союзникам-молодежи.

Стрелять я умею, — говорит он, — 90 процентов попадания. Пригодится.

Если вы пройдетесь по американскому поселку Нижегородского Автостроя, то увидите коттеджи: в них живут инженеры-«остинцы».

Пройдете дальше, и увидите большой двухэтажный дом: здесь «коммуна» американских инженеров. С улицы, сквозь большое окно,

Ваш старший мастерской учебно-опытного предприятия Ж 2 американец тов. Менделуль, показывающий образцы социалистического труда

Механик - изобретатель лампового отдела Электростроитель тов. Герман Горь, премирный за удирную ра-боту

Тов. Швар — конструктор, рабочий-выдавец, один из организаторов вольтерского отдела Электрострова, бригадир штурмовой бригады рабочих-иностранцев

Немецкая работница Хильда Фрехт, одна из лучших ударниц лампового цеха Электрострова

ясно различите огромное полотнище во всю стену: национальный флаг Соединенных Штатов Северной Америки. «Остицы» не забыли привезти его с собой.

Это — одна Америка. Пройдите еще 50 шагов. Вот большой дом. Сквозь окна вы ясно различите портреты Ленина, Маркса, на вышке дома — красный флаг. Это — другая Америка. Коммуна американских рабочих «Лементь». Грауден живет в первом этаже. Суйканен, Туамола — во втором. Я знаю их. Они — ударники, и без их фигур трудно представить себе производственную конференцию или собрание ячейки.

Их — тысячи. Они — в Сибири, на Урале, в Донбассе. Иностранцы рабочие, приехавшие в СССР. Они справедливо называют нашу страну своим отечеством, но из этого не делают вывода, что вся рабочая Америка и Европа должны переселиться сюда. Они знают, за что борются коммунистические партии мира. Когда понадобится — они поедут обратно.

Грауден — один из них. В первомайский праздник он приехал в Москву и в праздничном костюме шагал в колоннах московских рабочих.

И с ним, с нами были все пролетарии земного шара. Потому что:

**В ТЮРЕМНЫХ НАМЕРАХ,
В ШАХТАХ УЗНИХ, —
ВСЮДУ,
ГДЕ СДАВЛЕН
ЛОКАУТОМ ЦЕХ, —**

ЗНАЮТ:

**ПАТИЛЕТКА
НЕ ТОЛЬКО
ДЛЯ РУССКИХ,**

а **ДЛЯ ФРАНЦУЗОВ,
ДЛЯ НЕМЦЕВ,
ДЛЯ ВСЕХ**

ПИСЬМО

чехо-словака Брина в Прагу

стихи рабочего-комсомольца завода № 8 мих. спирова

„Я в комнате: Бейка покинул мать,
я суток от боли не мог сосчитать —
тянулось недели в отрядах микут —
я ехал в чужую, большую страну...
Вот это начало, дружище! Кадрац,
теперь по-другому пойдет рассказ.
Скажи, ты знаешь ли, милый повеса,
что значит в России слесарь?
„Слесаря дело сомкнулось с металлом“ —
ты думаешь так, но этого мало.
Иначе я думать, дружище, привык.
...Со мною работает рядом старик
особенно мелкий, точные части.
Он наш бригадир, вернее — мастер.
Он шидечным крепким слывет игроком —
случилось: „сразились“ мы вечером
и дружбу запили крутым кипятком.
В тот вечер старик-бригадир мне сказал:
— Крутой берет СССР перевала,
Но что же с тобою, гееносе, смотри —
размаха мы ждем от тебя пошире! —
Ты делаешь в день только три,
а я уже дед — четыре!
Тебя изучаем мы каждый час,

ты знаешь каменного божие нас,
и многие навыки твои переймут,
но ты отстаешь. Почему? —
Лаской светилось у друга лицо,
а Брич твой стоял перед ним подлоем;
напрасно смягчал, заставляя на точках,
слова старика молодой переводчик...
Я понял и твердо решился и
приятеля догонять.
В горячем разбеге горячих дней
забылась пражская позолота:
и ты не поверишь, как в этой стране
бодрит величайшая в мире работа!

Сказал мне товарищ: — Ударность зачтун,
сегодня поздравят тебя с успехом,
и с нами ты радом — плечом к плечу —
шагнешь на красные доски цеха.
Веру в победу трудно отнять —
и я ожидаю великого дня,
и старые чувства беру на мушку.

Пусть едет в Россию моя старушка.

БРИН*.

30 волховстроев

Много песен певучих про Волгу, много шаров разного цвета на ее берегу: морда и хвостик, чешушка и зыбка, камыши и башмаки, присиды с далеким западом — пенды, русские всяких кровей, смешавшиеся в себю, дружные с хозяевами здешних мест. На разных языках хвалят волюне кориняшу, мугулку; красавцу Волгу.

Но устарили песни. Новую складывать надобно, сочинять и запевать, — замолодится скоро Волга.

Между Ставрополем и Сызранью Волга, встречая на своем пути Жигулевские горы, резко поворачивает, течет вдоль гор, затем прорывается через Жигулевские ворота, подходит к Самаре, поворачивает на запад, и наконец у Баркаров снова принимает свое основное южное направление.

Так Волга делает свое знаменитое петляю, называемую Самарской Лукой. Длина петли 150 километров, с расхождением между концами в 25 километров. Выпрямление течения дает сокращение на 125 километров лишнего перебега, дельтевого огромным и все более увеличивающимся грузооборотом.

Помимо этого, выпрямление дает разницу перепада воды в шесть метров. Построение плотин между Ставрополем и Жигулевскими горами доведет высоту водопода до 15—25 метров (в зависимости от высоты плотин).

Построенная гидроэлектростанция сумеет давать 10 миллиардов киловатт-часов энергии. Стоимость киловатт-час будет $\frac{3}{4}$ копейки.

С построением гидроэлектростанции изменится край, охватываемый действием станции, главным образом Среднее Поволжье. Волгогострой разрешает электрификации деревни — переход на электропахоту, снабжение дешевой энергией сельских предприятий, ирригацию засушливых районов. Все это поставит хозяйство совхозов и колхозов на небывалую высоту.

Возьмем для ясности один вопрос — ирригацию (искусственное орошение земель). По данным, приводимым профессором Чалыгиным, урожайность пшеницы на севере края на черноземных почвах в среднем составляет 6 центнеров на гектар, а на юге края, на бурых почвах, снижается до 3 центнеров на гектар. В условиях орошаемого хозяйства в Заволжье средняя урожайность пшеницы — 20 центнеров с га. Сравните — 3,6 и 20. Вот результат орошения. А работой Волгогостроя можно оросить 1.000.000—1.200.000 гектаров.

На базе Волгогостроя возникает новая промышленность. Так разрешается вопрос превращения отсталого земледельческого района Псковья в край индустриально-аграрный.

Поселки (Кашин, Староволок и др.) превратятся в города, городишко Сызрань превратится в огромный город с сотнями тысяч населения.

Дешевая энергия сделает перенос в быту.

Волгогострой — это нечто еще невиданное в мировой технике. По мощности в тридцать раз больше Волховгостроя и в три раза больше Днепргостроя.

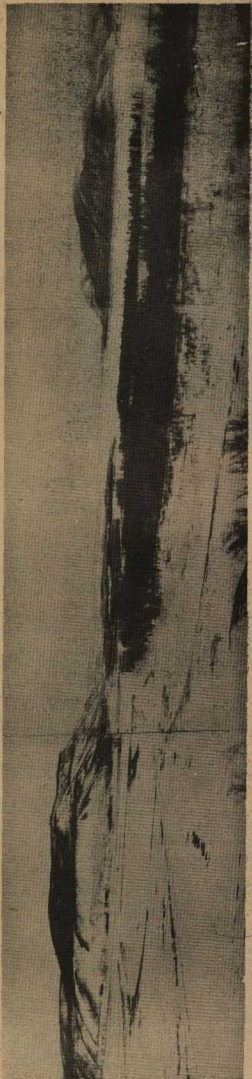
Волховгострой — это 850 миллионов рублей.

Кротенько, что надо сделать? Надо запрудить Волгу, протекающую в песчаной долине, надо выстроить плотину длиной более двух километров на песчаном основании, надо выстроить самую большую в мире гидроэлектростанцию, устроить р.а.б.ход и п.а.о.х.д. и многое другое.

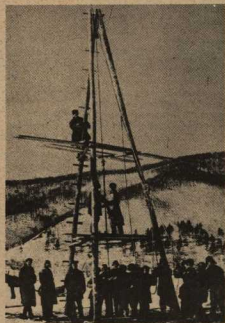
15 февраля 1930 г. ЦК ВКП(б) предложил в течение двух лет разработать проблему Волгогостроя.

Второй год идут немалые работы. В течение лета 1930 и зимы 1931 г. проведена съемка десяти тысяч квадратных километров от Чебоксар до Самары и от Богородска до Елабуги (по Каме). Эта работа определила площадь, которая будет затоплена после устройства плотины. Сейчас разрабатывается проект установки плотины. Первая заметка должна быть окончена к июлю 1931 г.

Комсомол — шеф электрификации — должен притти на помощь крупнейшему в мире строительству гидроэлектростанции. Через несколько месяцев правительству будет представлен проект Волгогостроя. В нем все детали будут выверены, ошибки в нем недопустимы. Волгогострой нужен — он будет.

Жигулевские ворота с севера

Изыскательные работы по Волгогострою

Топограф-комсомолец производит меззультную съемку местности

КОМСОМОЛЬСКИЕ мемуары

В Сорокин

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ
1992

обложка книги сорочкина

Годы идут стремительно. Недавнее прошлое на наших глазах становится историей. И уже четырнадцать лет отделяет зарождение первых массовых пролетарских организаций молодежи от наших дней. Дни, которые еще памятны комсомольским «старикам», подлинная история для нынешнего поколения комсомола. А эти дни следует воскресить, показать широчайшим массам молодежи. Следует показать и фронты, и белое подполье, и субботники, и борьбу за массы рабочей молодежи, и борьбу за ФЭУ, за подлинно трудовую школу и многое другое.

На примерах славного прошлого можно (и должно) воспитывать широчайшие массы рабочей молодежи, комсомола. Здесь нельзя ограничиваться одними учебниками, пособиями по истории комсомола, — нужно живыми образами, яркими картинками дополнять страницы учебников. Повести, мемуары, воспоминания должны раскрывать историю комсомола на живых примерах, на живых людях. Революционная романтика должна найти свое конкретное выражение в этих произведениях. Историческая повесть (роман), воспоминания должны и могут войти в систему политико-воспитательной работы комсомола. Но надо прямо сказать, что сделано постыдно мало — повестей, романов о прошлом не только (романы, вроде «Ликой дивизии» И. Скворцова нет. Несколько сборников Московского Истмлада, вышедших несколько лет назад, «Записки комсомольца» Г. Драгозова — это почти все. «Университет моего поколения» Д. Ханина причислить к нужной нам литературе, конечно, нельзя. Самолюбивые, эгоистичные, честолюбивые, полные глубочайших ошибок воспоминания Д. Ханина уже получили должную оценку в общей и комсомольской прессе («Комсомольская правда», «Книга и революция», «Книга и молодежь»).

Книжка В. Сорокина А, несомненно, отдаленные недостатки, романы, имеющиеся в ней, ничего общего с книжкой Д. Ханина не имеет. В Сорокин чрезвычайно просто, без грани влюбленности и кочеткинания, столь характерного для книги Ханина, рассказывает о славном прошлом ленинградской организации (вернее, одного из районов Ленинграда), о ленинградских активистах, жизни и борьбе комсомола 1918—1921 гг. В Сорокин не задавался целью написать историю ленинградской организации, он стремился лишь воскресить дух истории, раскрыть и показать революционный быт тех лет. Он очень просто (но вовсе не сухо и протокольно) и в то же время живо, красиво, выразительно дал различнейшие сценки жизни и работы одного из комсомольских районов Ленинграда. В книге широко охвачены все стороны комсомольской жизни: здесь и фронты, героическая защита Петрограда от Юденича, Кроунштадт, и работа комсомольского райкома, тины комсомольцев, ряд портретов активистов (Петра Смородина, Цейтлина, Д. Мазнина, Фочкина, Петропавловского и др.), всевозможные начинания комсомола в области подкулабья и физкультуры, всеобщая пресса комсомола, быт комсомольцев — комсомольские коммуны и т. д. Есть в книге и неужелые детали и малозначимые сценки, но их не так уж много и не ими определяется сутьность книги. В Сорокин с большой любовью, чистотой, теплотой сумел нарисовать чрезвычайно выразительную, запоминающуюся картину прошлого комсомола, жизни и борьбы комсомола 1918—1921 гг.

Сквозь все сценки и эпизоды, нарисованные В. Сорокиным, прелестью проходит основное — комсомол — искренность, чест-

ность, товарищеская чуткость, слабка, преданность партии, преданность делу пролетарской борьбы.

Гневными словами обрушивается он на оппозиционеров, нытиков сегодняшнего дня, давая как параллель «середневиш» и струнших в дни восстания юнкеров и эсеров, в дни Кроунштадта.

Описывая наступление Юденича, участие комсомола в защите Ленинграда, В. Сорокин подчеркивает неподготовленность многих комсомольцев в военном деле. Преданность, готовность к борьбе слабо сочеталась с умением владеть оружием.

«Рыцские оклады, проволока опоясывала улицы Питера. Здесь ожидалась бое более жестокие, чем в дни Парижской коммуны.

Все это мы очень даже хорошо знали.
— Жалко, мало подучены ребята.
— А с всеобща бегали, сволочи.
— Скажи это месяц назад, так с обучением тоже послали подальше, то один дела, дескать, то другое...»

Заканчивая, Сорокин спрашивает: «Так ли, ребята, сейчас-то? Проверьте-ка». Напоминание крайне уместное и нужное, ибо сейчас как никогда надо помнить о необходимости максимального овладения военной техникой, чтобы избежать неужелых жертв и потерь.

Пока стальными оружием Враги не нависли, Крепись — во всеоружии Техники и мысли.
(В. Маяковский).

Итак, в ряде мест прошлое переживает как с истинными. В. Сорокин, рассказывая о комсомольских коммунах (да и в других местах книги), подчеркивает необходимость сплетения личной жизни с общей работой, коллективизма в жизни и быту комсомола. Следует отметить следующий положительный момент книги: в ней правдиво и верно поставлены «вопросы пола». Они не доминируют, но автор не забывает и не боится этих вопросов. Очень просто рассказывает, «что такое любовь» в те годы, давая жестокий отпор «старушкинорядистам» и иным классовым врагам, проповедывая обаяние поэмками комсомола. Рассказ о ряде наиболее характерных «любимых» историй, В. Сорокин подытоживает их следующим положением: «При всей всеобщей

и легкомыслии, при всей «трагичности» в «изданиях» чувств, у каждого парня, у каждой девушки в те годы на первом месте были партия и союз, а на последнем свое личное...»

Книжка В. Сорокина дает читателю выразительное, яркое представление о жизни и борьбе комсомола в эпоху гражданской войны. Написанные темпераментно, с большой любовью к прошлому, «Первые батальоны» эмоционально заражают, поднимают и волнуют читателя.

За всеми достоинствами книги не следует пропустить и ее отдельные недостатки. Основной, наиболее значимый недостаток книги — элемент романтизации прошлого. Конечно, неверно было бы утверждать, что В. Сорокин недооценивает и не понимает наших дней, противопоставляет прошлое настоящему, и т. д. Этого нет. Но горы прошлым, В. Сорокин не всегда правильно сопоставляет его с настоящим. Отсюда ряд неудачных сравнений, построенных на неверных принципах сравнения (напр. в вопросах бета, демонстраций и т. д.). В. Сорокин иногда слишком поверхностно рассматривает сегодняшнее, — отсюда неужелые и вредное противопоставление прошлому.

И другой существенный недостаток — слаженность в диалогах, описанных и т. д. В наш язык, в язык комсомольцев записаны «блатные» и прочие словесные наклонения. С этим нужно бороться (этим когда-то занималась «Комсомольская правда») и этим вовсе не нужно щеголять в книгах. В книжке Сорокина эта «грубость» в изложении достаточно значительна. Впрочем, здесь виновата и редакция, недостаточно «подчистившая» воспоминания.

В предисловии Ленинградского Истмлада отмечается и следующий недостаток этих воспоминаний: «автор местами теряет чувство меры и разрешает себе быть чрезвычайно резким или чрезвычайно восторженным в оценке ряда фигур».

Но все эти недостатки не мешают признать книгу В. Сорокина весьма значимой, нужной книге. Кончается книга призывом писать коллективно историю союза, писать воспоминания. Призыв лужайки и верный. Будем надеяться, что пример Сорокина будет услышан и вслед за «Первыми батальонами» последует целый ряд мемуаров о славном прошлом союза.

© В. Сорокин — «Первые батальоны», очерки комсомольской жизни. Ленинград. Издательство «Молодая гвардия», 1991, 200 стр., 200 экз. 1 р. 75 к.

крепостью науки овладеют большевики

Отклики на очерк С. Любитова „Судите меня“*

ГНАТЬ ИЗ КОМСОМОЛА

Тов. Семенов, несомненно, парень способный. На своем курсе он учится лучше всех. Неужели какие-нибудь шесть савов общественной работы в пятидневку так уж загубят «способного студента, что из него выйдет плохой инженер? Не думаю.

Ты, тов. Семенов, сам только посмотри на свою фразу: «Зачем же вы навязываете мне общественно-политическую работу, которая отнимает много времени, не приносит пользы». Эта фраза явно оппортунистическая. Больше того—контрреволюционная. Значит, по-вашему, наш рабочий, наш крестьянин—это серая скотинка, которая сколько ни учи, все равно ничему не научится?!

Если до письма в «Смене» коллектив нашел возможным оставить Семенова в рядах комсомола, то после этого письма нужно немедленно гнать его и из комсомола и из вуза.

Б. Фетисов

ПРИСОЕДИНЯЮСЬ К СЕМЕНО

Бесспорно, что те студенты, которые едвигают кричат (вроде Громова) на собраниях, безрезультатно зубуют массу времени,— выйдут весьма плохими инженерами. С ними мы не овладеем техникой. Они не будут строителями гигантов. А утверждать, что тов. Семенов оппортунист и мелко-буржуазный делег—это значит быть абсолютно чуждым желанию овладеть техникой. Без хорошего советского инженера с мозгами американца, без науки и точной формулы сою не овладеешь. Я за овладение техникой,—потому я за тов. Семенова, потому что, окончив институт, он будет так командовать производством, что наша техническая отсталость исчезнет и уйдет в предание в самом скорейшем времени. А для здания командира производства нужна самая упорная учеба со способствующей ей благоприятной обстановкой. Тов. Семенов стремится к этому, потому и искренно присоединяюсь к его мнению. Если бы я был студентом, я сделал бы то же самое.

Вч. Нархов

КОГДА УЧИТЬСЯ—ГЛАВНОЕ УЧЕБА

Я—член партии, рефкомач, бывший рабочий Сельмша. На задание у меня было пять нагрузок—профуполномоченный бригады, РКД, член ревкомиссии клуба и т. д. Неоднократно пытался я совместить работу и учебу,—не мог, нагрузки не давали двигаться вперед. Сейчас я ушел исключительно на учебу, но в занятиях начал отставать. Меня и на работе загубили, свери сив общественной работой. Я считаю так: когда учиться—главное учеба, когда работаешь—главное работа. Плюс и здесь и там нагрузка, но по силам, так, чтобы они не шли в ущерб основной работе.

А. Авляев

ОТ РЕДАКЦИИ

И у Семенова, героя очерка «Судите меня», помещенного в № 4 «Смены» нашлись защитники. Их, правда, немного—3-4 человека; письма их составляют ничтожный процент общего количества писем, полученных редакцией; но останавливаться на них, тем не менее, необходимо. Нам недосидеть не нужно,—истерически кричит монтер К. (см. № 10 «Смены»). «Я пришел к выводу, что сочетать учебу с политико-общественной работой нельзя»,—подтверждает М. Калугин. «Мы не овладеем техникой... без хорошего советского инженера с мозгом американца»,—солидно басыт Вч. Нархов. Как видите, Нархов сыпается даже на слова Сталина. Но разве Сталин говорит то же самое, что и Нархов? Сталин говорит в «Вопросах ленинизма», что «американская деловитость имеет все шансы выродиться в ужас и беспринципное делачество, если ее не соединить с русским революционным размахом». Сталин в последней своей речи указывает, что «большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами». Эти сталинские положения—ответ и Нархову, и Семенову, утверждающим, что сочетать успешную академическую работу с общественной работой—невозможно.

Для подавляющего большинства товарищей, откликнувшихся на очерк «Судите меня», вопрос, поставленный Семеновым, данным данно разрешен—разрешен практически. Они активно участвуют в общественно-политической жизни страны—и это отнюдь не срывает у них учебу. Разумеется, при распределении нагрузок у нас в вузах нередко бывает и ошибка, неправильность, свободство в этом отношении чрезвычайно непосредственное письмо тов. Авляева, печатаемое выше), но отдельные ошибки подлежат исправлению и,

ОБА НЕПРАВЫ

Являева—ВЛКСМ Зинларских педагогика и лектурсов (Башрееспублика), обсудив помещенный в журнале «Смена» очерк «Судите меня», пришла к следующему заключению.

Именно у Семенова, отворачивающегося от общественно-политической работы, выйдут «плохие инженеры». Разве продвижение рабочего изобретательства, техническое просвещение масс, теоретические осмысления работы станка и дела рабочим при помощи студента—разве все это не является задачей каждого вузовца? Мы вопрос об увязке общественной работы и академической учебы ставим, тов. Семенов, так: учась, передавая свои знания рабочей массе, воспринимая от нее в то же время ее многолетний практический опыт; этим самым ты увеличиваешь и свои собственные знания.

Громова, секретаря комсомольского коллектива, мы также считаем неправым. Он правильно указал на ошибки Семенова, но руководство ячейкой он не сумел продемонстрировать, учения, дающую работу понимает свободно, не умеет увязывать ее с академической учебой, не направляет ее на помощь тому именно производству, с которым связан данный вуз.

ПУТЬ СЕМЕНО

Ленин на III съезде РКСМ говорил: «Мы не верим бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни. Пока рабочие и крестьяне остаются угнетенными помещиками и капиталистами, пока школы остаются в руках помещиков и капиталистов, поколение молодежи остается слепым и темным. А наша школа должна давать молодежи основы знания, давать умение выработать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей. Она должна, помимо этого, пока люди не освободятся, давать из них участником борьбы за освобождение от эксплуататоров».

А что говорит Семенов? Он против Ленина. Он хочет приобрести «основы знания», но за академиком, но вести общественную работу, быть «участником борьбы за освобождение от эксплуататоров», он не желает. И выйдает из него в конце концов слепой, далекий от жизни, незнающий с нею человек, а не прогрессарский специалист, который сумел бы завершить построение социалистического здания.

А это в свою очередь может толкнуть его еще дальше,—в сторону наших классовых врагов, разных Громова и Раманых, предателей советской власти. Путь Семенова—путь, удавшийся очень далеко от генеральной линии партии.

Д. Цыганов

основываясь на них, неправильно было бы приходить к таким дивидирующим выводам, к каким пришел Семенов.

Приносит ли общественная работа «пользу»? Семенов считает, что не приносит. Но о какой «пользе» речь идет? О пользе для предпринятия, на котором работает студент? Но она совершенно очевидна. Повидимому, речь идет о пользе для самого студента. Однако, и в этом случае вопрос абсолютно ясен: современный советский специалист, работающий в условиях социалистического производства, должен уметь возглавить техническую инициативу масс, должен уметь организовать массы для борьбы за выполнение промплана. Без навыков общественной работы, приобретенных еще в вузе, не обойтись».

Каков классовый смысл «озвонгов», выставляемых Семенову? Какая участь грозит Семенову, если он последовательно будет проводить свою точку зрения в жизнь? И на это вопрос достаточно четко ответили многие товарищи. «Семенову, отмежевывающегося от общественной китайской стеной, скоро препаратся во вредителя, идущих на поводу у интервентов (Н. Губенков). Сперва начнется с «магенького»—отхода от пролетарской общности. Следующая ступень—противопоставление себя этой общности. А противопоставление это в дальнейшем приводит к борьбе против этой самой общности, т.-е. к начальной форме борьбы против диктатуры пролетариата вообще. История с академикатретьей, которую рассказал на страницах нашего журнала тов. Пастухов, на конкретном примере показывает, куда ведет замыкание в академиком».

В ряде писем ставится вопрос о Громова, секретаре комсомольского коллектива института, в котором учится Семенов. Некоторые товарищи осуждают его за недостаточное внимание к академическим занятиям и т. п. Не надо забывать, однако, что о Громова мы знаем лишь со слов Семенова в беспристрастности которого, достаточно убедиться. Если же оценивать по поведению Громова в целом (для этого у нас нет данных), а его высказывания относительно Семенова, то с ними, несомненно, придется согласиться. Социалистическое строительство нуждается кадры теоретически грамотные, владеющие техникой и политически проверенные, способные объединить массы вокруг генеральной линии партии, а не люди, состояющиеся «помогать» партии лишь «на фронте технической реконструкции».

* Для удобства чтения не могут быть напечатаны письма гг. Привалова, Козалева, Ковалев, Журавлева, Иванова Д., Шафтыгина и Урбана, Колыгина, Кузнецова, Писова, Федосеева, Давыдова, Стрельцова, Яревова, ноября 11го отряда Ямского государственного ин. дв.

ТРЕВОГА

бер. нейлах

Тревога нарастает явственным видением огневых атак и стремительных штурмовых колонн. Человеческий голос слишком слаб, чтобы передать всю несладость класса и боевую тревогу. На помощь слову приходит оркестровая медь, дудя прожестора вскрывает тему и освещает злобное лицо врага, киноэкран напоминает о его отчаянной изворотливости и хитрости, краски плакатов кричат: «Защищайся, товарищ!».

Начинается с собрания, с обычного комсомольского собрания, — с повесткой дня, председательским звоном и дружным смехом. Смеха, пожалуй, слышим много в первом действии «Тревоги». Ребята не почувствовали той черты, за которой обилие шуток утомляет зрителя. К чему повздается на собрании сердитый, крикливый упрямод? Не слишком ли пассивна Петухов, председатель собрания? Его «бузотство» совсем не показано так, чтобы у зрителя вызвать пререзание. Поясничные и шутки Петухова на собрании и его упорное стремление остаться в должности председателя интернациональной тройки, — это сатира или комедия?

Но как бы то ни было, бюро интернациональной тройки во главе с Петуховым переизбрано. Интернациональной работы не было раньше в ячейке. Военных занятий тоже не было. Новое бюро устроило тир, организовало военную учебу. Показательное газоубежище оборудовали комсомольцы. Они почувствовали, что военная опасность реальна, война может начаться и завтра, и сегодня.

И Петухов настойчиво отвергал необходимость военной учебы. Он кричал: «Будет война — все пойдем, а готовиться незачем!» И затем — ведь вместе с войной будет мировая революция... Не так страшно...

И вот война наступила. Тревога не была ложной, ипророчество. Врусь повеса наступил с двух фронтов: империализм — атакующий границы; кулаки, поны, сектанты, бывшие — сердца обывателей.

Комсомольская мобилизация прошла успешно. Нашлись трусы — ребята не занимались лазаретной. Один из комсомольцев — трус, предатель в юнгитурме — развел целую философию.

— Зачем мне социализм, если придется умереть?

Он дезертировал и, как вор, прятался в углах, чтобы избежать отъезда на фронт.

Но другие, настоящие комсомольцы героически сражались и героически умирали в боях за Советский союз. Смерть на боевом посту, сравнение до последней капли крови за торжество класса и женских идей — честь, доблесть, подвиг. Это трамвайчики показали великолепно. Сцена в лазарете, когда раненные берут виватки и идут сменить погибших товарищей, — разве эта сцена забывается? А вот сцена Петухова — великая смерть. Он погиб из-за своей военной неграмотности: не умея стрелять из пулемета, он пробовал открыть огонь и убил себя.

В тылу комсомольцы так же героически работают, как «на фронте». Они ударно печатают листовки, несут охрану города и всегда готовы к действию.

За границей рабочие в тревоге. На сцене бурная демонстрация германских пролетариев, ярко-красные знамена приветствуют Советский союз, а группа немецких комсомольцев, «Красные рупоры», под грохочий смех демонстрантов зло высмеивают союз Пулякере с империалистическим войском. Из демонстрации этой рождается песня — Интернациональ, и ее подхватывает и поет весь зал, вместе с трамвайчиками.

На этом спектакле чувствуешь тревогу за военную подготовку комсомольцев, неснигидельность трусов и дезертиров фронту, осознаешь жестокость войны с интуитивной ясностью. Газетный лозунг превращается в явь, в факт. В этом огромная заслуга трамвайцев, хорошо сработавшего коллектива.

Этой пьесой московский «Трам» сильно двинулся вперед.

Нельзя говорить об отдельных участниках спектакля, потому что виднеш коллектив и чувствуешь его работу.

Постановка сделана с комсомольской добросовестностью. На маленькой узкой сцене трамвайчики совершили прямо-таки чудеса. Проекция фигур на полотно в сцене общедания перед тревогой, показ ударной работы на заводе, демонстрация немецких рабочих, — все это сделано очень хорошо.

Прекрасно оформление художников Куркиных. В особенности запоминается нарисованное ими сатирическое изображение Христа.

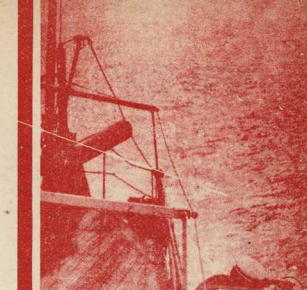
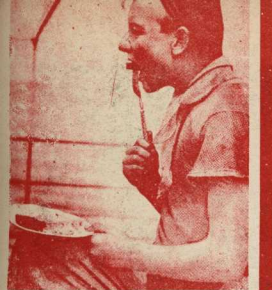
Разумеется, в спектакле много недостатков. Весть «Трам» очень молода. Плохо разработано первое действие пьесы — собрание. Совершенно ни к чему подчеркнута дала роль упрямодом, пытающегося своей крикливостью рассмешить зрителя. Исполнители часто разговаривают штампованными фразами, которые в обычной обстановке почти не употребляются. Музыка композитора Чемберджи, сопровождающая пьесу, страдает легким уклоном в так называемый «модернизм». Наконец, трамвайчики предост очень много работают над своей техникой игры, слабость которой в некоторых местах пьесы просто огоржает.

Но все же «Тревога» — большое достижение московского «Трам». Очень нужный, чрезвычайно актуальный, интересный спектакль. Несомненно нарастание мастерства. Это — победа комсомолов, наша победа на театральном фронте.

ТРЕВОГА

дадим командиров в красно-у флоту

зря в ленинград не посылать

Объявленные ранее сроки приема в военно-морское инженерное училище имени Дзержинского и в военно-морское училище имени Фрунзе перенесены на 15-е июня 1931 года.

Все желающие поступить в эти училища должны явиться в Ленинградский флотский экипаж (г. Ленинград) для прохождения приемных испытаний не ранее 14 июня и не позднее 15 июня, т. е. к моменту приема. Явившимся «позже, хотя бы и по уважительным причинам, принимать не будут.

Особое внимание к концу вербовочной кампании должно быть обращено на проверку завербованных кандидатов. Зря посылать людей в Ленинград не следует. Каждая кандидатура должна быть тщательно и всесторонне проверена. Необходимо принять все меры, чтобы классово враждебные и нужные элементы не посылались в военно-морские училища.

Требования к поступающим в Военно-морские училища значительно выше, чем к поступающим в другие военные школы РККА. Все поступающие должны быть физически вполне здоровы, вполне грамотны, политически и всесторонне развиты. Надо иметь в виду, что им через 3—4 года по выходе из училищ, как протекторским командирам надо будет уметь управлять кораблем с его сложными механизмами и в нужный момент использовать свои знания для защиты страны Советов. Они должны будут обучать краснофлотцев военно-морскому делу, готовить из них специалистов флота и береговой обороны, политически и культурно воспитывать и выдвигать из рабочей-крестьянской молодежи стоек борцов за диктатуру пролетариата. Они наряду с этим должны будут активно участвовать и в другой общественной работе. Поэтому комсомольские организации при наборе кандидатов в военно-морские училища не должны посылать тех людей, которые не смогут справиться со всеми этими ответственными заданиями.

Желающие поступить в военно-морские училища комсомольцы должны уже теперь решительно приучить себя к дисциплине и помнить, что твердая дисциплина и соответствующая подготовка есть основа боееспособности Красного флота.

В текущий набор в военно-морские училища должно быть принято: членов ВКП(б) и членов ВЛКСМ—100%, рабочих с производства не менее 80%, детей рабочих, батраков, колхозников и детей военнослужащих не более 20%.

До 40% всех вакансий предоставляется для краснофлотцев и красноармейцев по разветвкам РККА, Пединститутам и войскам ОГПУ дано 45 вакансий.

ито как вернуть делегатов

Урал на первом месте. По разветвке Уралобком дано 93 вакансии. Телеграф доносит, что разветвка Урал переполнена. Для завербованных кандидатов созданы в 10 промышленных пунктах подготовительные курсы, на которых готовится 130 человек.

ЦК Белоруссии доносит, что разветвкам переполнены.

Из Нижегородского крайкома сообщают, что вербовка кандидатов проходит успешно.

Ленинградский обком развернул вербовочную кампанию недавно. Разветвку переполнили. Подготовительные курсы созданы.

Из Сибири (г. Тюмень) комсомольцы сообщают, что в Тюмени созданы подготовительные курсы, которые готовят кандидатов для поднежного флота.

По Московской области вербовка проходит вяло. Дано по разветвке 230 кандидатов. По Москве завербовано на 1 апреля только 85 кандидатов, для которых при университете имени Свердлова открыты подготовительные курсы. За последние дни многие рабфакиры и студенты разных институтов подают заявления о приеме в военно-морские училища. Из районов Московской области за исключением Язани, где созданы подготовительные курсы, сведений о положении с вербовкой нет.

Хуже дело обстоит с вербовкой на Украине. Руководство вербовкой до 9 числа комсомолом вообще не было и видно, нет его и до сих пор. Из всех районов Украины, в том числе и промышленных, комсомольцы, желающие поступить в училища, пишут, что вербовка у них не ведется и что размерчик у них нет. Между тем Украине дано 234 вакансии. Что делает военный отдел ЦК ВЛКСМ в этом отношении, неизвестно.

что требуется от кандидата

В военно-морское инженерное училище имени Дзержинского принимаются члены ВКП(б) и комсомольцы в возрасте от 17 до 22 лет, с образованием в объеме 9-летия, а также окончивающие рабфаки, техникумы и институты. Это училище отнесено к категории высших учебных заведений и готовит в 4 года командиров, инженер-механиков и инженер-кораблестроителей флота.

В военно-морское училище имени Фрунзе принимаются члены ВКП(б) и комсомольцы: а) на подготовительный курс не моложе 17 лет и не старше 21 года, с образованием в объеме 7-летия; б) из отделения береговой обороны—в возрасте от 17 лет и не старше 22 лет, с образованием в объеме 7-летия; в) на специальный курс военно-морского училища имени Фрунзе—в возрасте от 17 лет и не старше 22 лет, с образованием в объеме 9-летия.

Это училище готовит в 3 года командиров строевых специальностей флота, а именно: корабельноделателей (штурманов), артиллеристов и специалистов Минного оружия.

Учеба в военно-морских училищах продолжается круглый год и разбивается на два цикла: зимний теоретический и летний практический.

Зимой курсанты проходят теорию в училищах, а летом закрепляют приобретенные практики на кораблях Балтийского и Черного

морей, заграничным плаванием, гидроавиацией, работой в портах, на заводах и на береговых батареях.

По принятии в училище поступающие зачисляются на действительную службу и получают звание курсантов.

Курсанты находятся на полном обеспечении государства. Получают бесплатно общеуниверситетские, постельные принадлежности, учебные пособия, питание и, кроме того, им еще выплачивается содержание от 10 до 35 рублей в месяц, в зависимости от того, на каком курсе слушателе школы занимается. Все курсанты без исключения обязаны жить при училищах. Краткосрочные увольнения за пределы училищ разрешаются в дни отгула. Кроме того, курсанты пользуются отпуском три раза в году: 6 суток в январе, 6 суток в мае и 30 суток после плавания, т. е. в конце сентября.

День в училищах начинается с 7 ч. 30 м. утра и кончается к 24 ч., когда все курсанты должны спать.

Утренние и дневные часы в училищах отводятся для занятий в классах, кабинетах, лабораториях и магистратах, а также на строевые, гимнастические упражнения и плавание.

Вечерние часы посвящаются общественной, партийной и кружковой работе, а также пробирочке заданий. Методами социалистического соревнования и ударничества борются курсанты за лучшее качество учебы.

Для организации всеудачного досуга курсантов при училищах имеются прекрасно оборудованные клубы, ленинские уголки, кино, библиотеки, читальни и комнаты отдыха. Курсанты имеют возможность заниматься самостоятельностью в разных кружках. Выходят стелентами и организуют концерты и вечера.

Во время пребывания в училищах курсанты не только учатся, но и несут службу, начиная с обязанности рядового краснофлотца.

По окончании курса курсанты зачисляются приказом РВС СССР в командиры РККА и получают назначение на корабли флота.

Окончивающие морское инженерное училище имени Дзержинского назначаются инженер-механиками и инженерами-кораблестроителями по 5-й категории на военные корабли и в портовые учреждения.

Окончивающие морское училище имени Фрунзе назначаются по 4-й категории поручиками ватных начальников и специалистов отдельных служб на военные корабли. Окончивающие отделение береговой обороны при морском училище имени Фрунзе назначаются по 3-й категории командирами кораблей в береговую оборону.

Дальнейшее совершенствование командиров происходит на кораблях, специальных курсах комсостава флота и в военно-морской академии имени тов. Ворошилова.

Тяга в военно-морские училища со стороны молодежи огромна. Поэтому первые места должны быть предоставлены комсомольцам, активистам и ударникам с производства и окончивающим рабфаки и техникумы.

С. Мандрыно

Общий вид парада

**первомайский
парад
в красной
столице**

Т. Ворошилов принимает парад